

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Ноябрь — Декабрь 2013

В НОМЕРЕ:

Был ли московский текст в русской литературе?

Нестрогие рассуждения о стихах и прозе О.
Мандельштама

Современный роман: важные встречи с небытием

А. Межиров:
«Поэзия — ни в коем случае не профессия...»

Голгофник versus Варавва:
к полемике Чернышевского и Герцена о России

МОСКВА

Век минувший

Из архива Василия Аксенова

Материалы из архива В. Аксенова печатались в нескольких номерах «Вопросов литературы» за 2012—2013 годы*. Настоящая публикация состоит из двух частей. Она открывается дневниковыми записями, которые Аксенов вел регулярно с декабря 1962 года по март 1965-го, а за ними следует несколько писем, направленных Аксеновым в руководящие органы Союза писателей (1967—1977) и дающих представление не только о его общественной позиции, но и о формах административного давления на писателя, не желавшего играть по предписанным ему правилам.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК (1962—1965)

В американском архиве Василия Аксенова есть потерянная записная книжка без алфавита в коричневой матерчатой обложке. В ней среди других рукописных текстов находятся помесечные записи событий с декабря 1962 года по март 1965-го, сделанные ровным разборчивым аксеновским почерком. Эти записи воскрешают в памяти и

* См. Аксенов В. Рассказики // Вопросы литературы. 2012. № 3; Из архива Василия Аксенова. Сост., вступ. текст и коммент. В. Есипова // Вопросы литературы. 2012. № 4 и др.

бесславные для руководителей Советского Союза встречи с творческой интеллигенцией (декабрь 1962-го и март 1963-го), и замечательную песенку Владлена Бахнова о Коктебеле — ответ на ретроградский выпад в центральной прессе ревнителя коммунистической нравственности Аркадия Первенцева, и постановку пьесы Аксенова «Всегда в продаже» в только что родившемся театре «Современник», и многие другие события того времени. Немало здесь и довольно интимных записей, касающихся личной жизни автора «Коллег», «Звездного билета» и «Апельсинов из Марокко», и литературных имен, часть которых, увы, ничего уже не говорит даже дожившим до наших дней аксеновским современникам.

Особое место в дневнике занимают дорожные впечатления от поездки в Новгород, а также довольно подробное описание архитектурных и духовных памятников Новгорода, что стилистически отличает эти записи от аскетического лаконизма остального текста.

Полувековая давность записей, а также предельная лаконичность основной части дневника потребовала, конечно, множества примечаний, которые превосходят комментируемый объем более чем в два раза. В комментировании аксеновских записей, необходимом для адекватного прочтения их сегодняшним читателем, согласился принять участие Анатолий Гладилин, старейший и вернейший друг автора дневника. Это тем более уместно, что имя Гладилина («Только») множество раз упоминается в аксеновском тексте. К сожалению, даже участие Анатолия Гладилина и помощь других современников и друзей Аксенова в комментировании его дневниковых записей не позволили избежать пробелов в примечаниях: такие пробелы остались.

Тем не менее хочется надеяться, что предлагаемая публикация позволит сегодняшнему читателю мысленно окунуться в атмосферу 60-х годов прошлого века и в события, оставившие явственный след в биографии одного из ярчайших представителей поколения шестидесятников.

Виктор ЕСИПОВ

Декабрь 1962

Япония. Возвращение из Японии¹. Ночь. Мороз. Шереметьевские березы. Рассказ о Манеже² и первой товарищеской³ встрече.

Е. Е., Р. Р.⁴ Встреча в Идеологической комиссии⁵. Выступления. Б. А. и Ф.⁶ Художники показывают паспорта⁷. Приподнятое настроение. Остановлены «Апельсины»⁸. По телефону с И⁹. Где была встреча Нового года? ЦДЛ? Да!

---

¹ Написанные об этой поездке в 1963 году «Японские заметки» вошли в книгу «На полпути к Луне» (М.: Советская Россия, 1966).

² На волне «оттепели» в конце 1962 года в Манеже открылась выставка работ молодых художников и скульпторов, противопоставивших свое творчество официальному советскому искусству, — П. Никонова, Н. Андропова, М. Вейсберга, Б. Биргера, Э. Неизвестного и др. В начале декабря 1962 года выставку посетил Н. С. Хрущев, устроивший грубый разнос устроителям и участникам выставки с криками и показной матерщиной.

³ Ирония Аксенова по поводу посещения Хрущевым выставки в Манеже.

⁴ Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский.

⁵ Идеологическая комиссия ЦК КПСС.

⁶ Вероятно, Белла Ахмадулина и Фазиль Искандер.

⁷ Хрущев во время посещения выставки в Манеже грозился дать указание Шелепину (председатель КГБ с 1958-го по 1961 год) выдать им заграничные паспорта.

⁸ Повесть «Апельсины из Марокко» выйдет в 1963 году в январском номере журнала «Юность».

⁹ *Ильичев Леонид Федорович* (1906—1990) — секретарь ЦК КПСС и председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС с 1961-го по 1965 год.

Январь 1963

Морозы, пьянство, полет к Стасису¹. Лопнула бутылка. Несколько дней в «Неринге»². Любимый поэт японской молодежи³. Возвращение с Р. и А.⁴ Морозы. С Полевым⁵ к И.⁶ Опоздание на 20 минут. Картины. Разговор о Пикассо. Трагедию в фарс⁷.

Крещенские морозы. Пьянство и общая мрачность.

---

¹ *Красаускас Стасис Альгирдо* (1929—1977) — художник-график, его линогравюра стала эмблемой журнала «Юность».

² Отель и ресторан в Вильнюсе, открылся в 1959 году.

³ Шутка, относящаяся, по-видимому, к Роберту Рождественскому. В «Японских заметках» в главе «Русское пение» Аксенов вспоминает, в частности, посещение токийского университета, где студенты пели русские песни. «О популярности русских песен, — сообщал Аксенов там же, — можно судить уже по тому, что самый известный такой бар называется “Катюша”».

⁴ С Робертом Рождественским и Аллой, женой Роберта.

⁵ *Полевой Борис Николаевич* (1908—1981) — журналист, писатель, главный редактор «Юности» с 1961-го по 1981 год.

⁶ Имеется в виду Л. Ильичев (см. примечание 9 к предыдущей записи).

⁷ Речь идет о посещении Хрущевым выставки в Манеже в начале декабря 1962 года.

Февраль

Со Стасиком¹ в Ленинграде. Наташа². Восточный³. Дубулты. Толька⁴, Стасик, Сэм⁵, Стасик Куняев в «Охотничьем»⁶. Гонорар за «Апельсины». Sony. Бездарные интриги совместно с Толькой⁷. Безудержное веселье. Укоризны. Кикок⁸. Моника⁹. Февральские катания. У Тольки вышла повесть¹⁰. Света¹¹. Работа над «Лабораториумом»¹². 3 марта М.¹³ провожает в Румбула¹⁴. Оттепель.

---

¹ *Рассадин Станислав Борисович* (1935—2012) — критик, литературовед; ему принадлежит термин «шестидесятники» (см. его одноименную статью в журнале «Юность», 1960, № 12).

² Вероятно, Наталья Соломоновна Гинзбург, сестра Евгении Гинзбург, тетка Василия Аксенова.

³ Балтийский вокзал в Ленинграде, архитектура которого повторяет архитектуру Восточного вокзала в Париже.

⁴ *Гладилин Анатолий Тихонович* (род. 1935) — писатель, один из родоначальников так называемой «городской прозы» («Хроника времен Виктора Подгурского», 1956), ближайший друг Василия Аксенова.

⁵ *Дмитриев Самуил Александрович* — литературный критик, в начале 1960-х годов зав. отделом критики в журнале «Знамя».

⁶ Так называли старое деревянное строение писательского курорта в Дубултах, в котором после постройки нового многоэтажного корпуса селили привилегированных писателей.

Комментарий А. Гладилина: «До постройки нового здания писательского Дома творчества в Дубултах там по всей территории стояло несколько старых деревянных домиков, каждый из которых как-то назывался. Мы с Аксеновым всегда брали комнаты в одном и том

же. Но как он звался — не помню. В этом домике иногда с нами жил Стас Рассадин, иногда — Самуил Дмитриев, раза три — Аркадий Ваксберг. Стасик Куняев в одном доме с нами никогда не жил».

⁷ Подразумевается «охота» с Анатолием Гладилиным на набережной в Дубултах на прекрасных незнакомок. См. комментарий А. Гладилина: «Вася прав, конечно, бездарные интриги, но тому виной было не наше неумение кадрить местных девушек, а то, что нам буквально не давала житья Алла Гербер, о которой Вася умалчивает. У нас распорядок в Дубултах — и я за этим строго следил — был такой: до семи вечера все сидели в своих комнатах и работали, и никто не имел права ни к кому заходить. А вот после семи — сначала был скромный ужин в столовой Дома творчества, где наша литературная компания, к которой принадлежала и Алла Гербер, обсуждала разные литературные и политические новости, а потом мы довольно шумной толпой отправлялись в единственный работающий зимой ресторан “Дзинтари”, где наш старый знакомый Володя, который представился нам как “бывший белый офицер, а теперь мастер спорта по шашкам”, пел со своим маленьким оркестром популярные песенки типа “Все равно, моряк, не скоро ты забудешь этот город”, и Алла Гербер в этих застольях обязательно участвовала. Она была умной девушкой, наших, либеральных взглядов. Но чаще всего мы с Васей вдвоем хотели вечером оторваться от всех, чтобы, грубо говоря, пошастать по побережью и закадрить местных красоток. От всех оторваться нам было легко, но вот Алла Гербер нас всюду находила. У нее было чутье полицейского сыщика и невероятная скорость передвижения — при том, что вечером по побережью ни автобусы, ни такси не ходили. Конечно, можно было оторваться от Аллы, уехав на электричке в Ригу, но это уж было целое мероприятие, с поздним возвращением в Дубулты, а значит, и скопанным следующим рабочим днем. Однажды я Васе заявил:

— В конце концов, Гербер нас просто находить: в Дубултах и Дзинтари вечером работают три или четыре забегаловки, включая “бар самоубийц”. А давай сядем на электричку и уедем на пару остановок в другую сторону от Риги.

Сказано — сделано. Из писательской столовой мы вышли рано, сказали, что вернемся, а сами вдоль заборов, как шпионы, побежали на станцию, сели в электричку и вышли через две остановки. Ничего местечко, пустынное, как и все зимнее рижское побережье, но вполне приличное. И скоро мы сидели в симпатичном кафе, где, кроме нас и еще какой-то старой пары, за отдельным столиком вели оживленный разговор шесть молоденьких девушек, по виду — студентки. Какая удача! Кафе было маленькое, при желании можно было услышать разговор за соседним столиком, а у нас с Васей были свои методы кадржки, и я применил один из них.

— Вот смотри, Аксенов, — сказал я довольно громко, — ты говоришь, что из Москвы тебе сообщают, что все рвут журнал “Юность” и читают твои “Апельсины из Марокко”. Но это Москва, а здесь, видимо, глухая провинция, никто в Риге тебя не читает и даже на улице не узнают. Так что, Васенька, ты просто зазнался, оторвался от жизни.

Ну и еще какую-то ерунду в таком духе. За соседним столиком,

где резвились девицы, веселье стихло и началось перешептывание, переглядывание, девушки все активнее поглядывали в нашу сторону. Аксенов загадочно молчал и улыбался, как кот, наевшийся сметаны, разве что не урчал. Но тут за мной хлопнула входная дверь — я сидел спиной к ней, и вдруг лицо Аксенова помертвело, а глаза наполнились ужасом. Он смотрел в мою сторону, но смотрел поверх головы. Я беззвучно его спросил: “Она?” — и тотчас раздался знакомый голос: “Мальчики, вот где вы спрятались, а я вам хотела рассказать про статью в Литгазете”. Алла сразу же села за наш столик: “Довольно подлая статья, и против вас, хотя вы там конкретно не упоминаетесь”. Аксенов вымученно изобразил приветливую улыбку, компания девиц дружно повернулась к нам затылком, а мы с Аксеновым тоскливо переглянулись — сорвалось, и этот вечер тоже псу под хвост...»

⁸ По-видимому, аксеновское словообразование от названия крепкого (45 градусов) эстонского ликера «Канни кукк» с петухом на бутылке, который пользовался успехом в писательской среде (см. повесть «Пора, мой друг, пора»).

⁹ Знакомая Аксенова, рижанка. А. Гладилин вспоминает: «Моника — это Васин “трофей” после какого-то нашего выступления в Риге на читательской конференции. Восемнадцатилетняя красавица с очень аппетитными формами. Как там у них дальше протекало, я не знаю. Однако Вася мне как-то сказал, что у Моники очень странная мама, и когда он звонит Монике, он не знает, кто с ним говорит — Моника или мама, голоса у них похожие. Тут надо еще отметить, что в этот период Аксенов начал много пить. Только этим можно объяснить, что он как-то с большого бодуна явился утром к Монике, в ее рижскую квартиру. Моника и ее мама встретили Василия Павловича с распростертыми объятиями. Наверное, они решили, что утренний визит — это что-то серьезное. Вскоре квартира стала наполняться родственниками Моники, которые все подмигивали Васе и хлопали его по плечу. У Васи наконец заработала голова, он сообразил, что влип. Он извинился перед публикой и сказал, что по такому случаю сначала должен пойти в парикмахерскую — постричься и побриться. Из парикмахерской он вскочил в такси и помчался на вокзал. Подробнее об этой истории рассказано в книге Александра Кабакова и Евгения Попова “Аксенов”, которая вышла в издательстве “Астрель” в 2011 году».

¹⁰ «Первый день Нового года» («Юность», 1963, № 2).

¹¹ Курортная знакомая Анатолия Гладилина.

«Света — это уже мой рижский “трофей”. И Аксенов довольно часто рассказывал историю про Свету, но от лица тети Маши, которая убирала в нашем домике и вообще следила за порядком.

— Так вот, — начинал Аксенов, подражая голосу тети Маши, — у нас в домике поселился пожилой писатель (мне было тогда 27 лет. — А. Г.) и к нему из Риги стала приезжать маленькая девочка (Свете было не больше двадцати, студентка, кажется, пединститута. — А. Г.). Ну, мне неудобно делать замечания пожилому писателю, я его так осторожно спрашиваю: “А как мне разговаривать, когда я вижу вашу девочку?” А он отвечает: “Тетя Маша, если вы видите Свету утром, вы ей говорите — доброе утро, Света, если вы видите ее днем, вы ей говорите —

добрый день, Света, а если вы ее видите вечером, то вы ей говорите — добрый вечер, Света. И больше никогда ничего не говорите”.

И, закончив рассказ, Аксенов заливисто смеялся» (комментарий А. Гладилина).

¹² Повесть, впоследствии получившая название «Пора, мой друг, пора» и изданная в 1965 году в журнале «Молодая гвардия».

¹³ М. — Моника; см. прим. 9.

¹⁴ Аэродром под Ригой. В 1941 году фашистами в Румбульском лесу расстреляно более 25 тысяч евреев, после войны на этом месте воздвигнут мемориал.

Март

7 и 8 марта¹. Оттепель. Через площадь² с Тарковским и Вознесенским. Цыганка в потоке машин.

Вечером в ЦДЛ. Загадочно улыбающийся Е. Е.³, Эрнест, Гриша⁴.

Приступы у Киры⁵.

11 улетаю в Аргентину⁶. Париж. Аргентина. Возвращение из Аргентины. Газеты в Бурже⁷. Встреча в Шереметьево. Мороз и солнце. Дети Ливанова⁸. Сообщение о Женьке⁹. Встречи с Вит., с Сартаковым¹⁰. Пленум РСФСР.

Ответственным.

Приступы у Киры.

---

¹ Так называемая встреча руководителей Коммунистической партии и Правительства с творческой интеллигенцией в Кремле, на которой Никита Хрущев топал ногами и исторгал грубые ругательства в адрес Василия Аксенова и Андрея Вознесенского во время их выступлений с кремлевской трибуны.

² Через Красную площадь, ожидая ареста после грубого разноса, устроенного Хрущевым.

³ Евтушенко готовил публикацию своей «Автобиографии» в популярном парижском еженедельнике «Пари Матч».

⁴ Имеются в виду Эрнст Неизвестный и Григорий Поженян.

⁵ Менделева Кира Людвовна — первая жена Василия Аксенова.

⁶ По предположению Василия Аксенова, поездку в Аргентину после разноса в Кремле устроил симпатизировавший ему Алексей Аджубей, зять Хрущева, главный редактор газеты «Известия», чтобы уберечь его от неизбежных преследований на родине.

⁷ «Газеты в Бурже» освещали ситуацию в культурной жизни Советского Союза после встречи в Кремле 7—8 марта 1963 года.

⁸ С Василием Ливановым Аксенов сблизился во время съемок

фильма «Коллеги», где Ливанов играл одну из главных ролей.

⁹ «На мартовской встрече в Кремле Хрущев громил Вознесенского и Аксенова. После встречи на них обрушилась вся советская пресса. Но после возвращения Аксенова из Аргентины пришло сообщение, что во Франции в модном журнале опубликована так называемая “Автобиография” Евгения Евтушенко. Опубликовать что-то на Западе без разрешения советских властей — дикий скандал! И вся советская пресса, включая “Промышленную газету” и “Сельскую жизнь”, склоняла в основном имена троих — Аксенов, Вознесенский, Евтушенко. Скульптор Эрнст Неизвестный и Марлен Хуциев, режиссер фильма “Застава Ильича”, с которых, собственно, и начались послеоттепельные морозы, шли как бы вторыми номерами, а мы, остальные, то есть Белла Ахмадулина, Виктор Некрасов (ему досталось за опубликованный в том же номере “Нового мира”, где появился Солженицын, очерк об Америке “По ту сторону океана”, который Хрущеву очень не понравился; одна из разгромных статей о Некрасове называлась “Турист с тросточкой”), Юрий Казаков и я (мне вклеили за “Первый день Нового года” во втором номере “Юности”), добавлялись критикой как бы для гарнира. Дескать, не только эта тройца или пятерка, а вот их целая группа — антисоветчиков! Товарищи, надо усилить идеологическую работу в творческих союзах!» (комментарий А. Гладилина).

¹⁰ *Сартаков Сергей Венедиктович* (1908—2005) — писатель, заместитель председателя правления СП РСФСР с 1958-го по 1966 год.

Апрель

Жуткий месяц. Пьянство, кошмары, приступы у Киры и больница.

Разрывы договоров, рассыпан набор сборника¹. Плохие разговоры с мамой². Приезд отца³. Деньги за «Мосты»⁴.

Ссора с Женькой⁵. Дорошина⁶. Свадьба Леонова⁷. Нелепость полная.

---

¹ Последствия нападок Хрущева на встрече в Кремле.

² *Гинзбург Евгения Семеновна* (1904—1977) — журналистка, писатель, репрессирована в 1937 году, 18 лет провела в лагере и в ссылке; автор автобиографического романа «Крутой маршрут: Хроника времен культа личности» (1967, Милан — 1-я часть; 1988, Москва — 1-я, 2-я, 3-я части), получившего мировое признание.

³ *Аксенов Павел Васильевич* (1899—1991) — советский партийный работник, репрессирован в 1937 году, реабилитирован после смерти Сталина, жил в Казани.

⁴ За фильм по сценарию Аксенова «Когда разводятся мосты»

(Ленфильм, 1962).

⁵ Имеется в виду Евгений Евтушенко.

⁶ *Дорошина Нина Михайловна* (род. 1934) — актриса театра и кино, народная артистка РСФСР.

⁷ *Леонов Николай Иванович* (1933—1999) — писатель, автор детективов, оперативный работник милиции в прошлом, завсегдатай ресторана ЦДЛ.

Май

1 мая у Толмачевой¹. Истерика Корнилова². Моя истерика. ВТО, ЦДЖ...

Операция. 2-я градская. Бегство Роберта³. 2 недели в «Европейской»⁴. Приезд Моники. Нелепость. Проводы М. Таинственная ночь. Солнце в Ленинграде.

В Черемушках работаю над «Лаб.»⁵.

---

¹ *Толмачева Лилия Михайловна* (род. 1932) — актриса театра («Современник» с 1956 г.) и кино, Народная артистка РСФСР.

² *Корнилов Владимир Николаевич* (1928—2002) — поэт, прозаик, критик.

³ «Роберта Рождественского трогали меньше всего, и даже послали с делегацией в Индию. Но после всех этих идеологических погромов у Роберта явно начался кризис. В Индии он запил, оторвался от кагэбэшного хвоста и выбросился или выпал с пятого этажа гостиницы. К счастью, упал на мягкую клумбу с цветами и чудом остался жив. Подробности см. в романе Аксенова «Таинственная страсть» (комментарий А. Гладилина).

⁴ Одна из самых комфортабельных гостиниц Ленинграда.

⁵ «Лабораториум», впоследствии — «Пора, мой друг, пора» (1965).

Июнь

Кратово¹. Малеевка². Работаю над «Лаб.». Хорошо. Шашлыки в лесу. Евдокимовы³, Шеровский⁴, Елена⁵ и т. д.

---

¹ Подмосковное Кратово (Казанская дорога) — популярное в те годы у писателей место летнего отдыха, там снимали дачи Аксенов, Сарнов, Садовников и др. Здесь же находились собственные дачи Феликса Светова и Камила Икрамова, предоставленные им после

реабилитации.

² Подмосковный дом отдыха писателей («Дом творчества») по Белорусской дороге.

³ *Евдокимов Николай Семенович* (1922–2010) — писатель-фронтовик, выпускник и преподаватель Литературного института им. А. М. Горького.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ По-видимому, директор Литфондовского детского сада, куда ходил сын Аксенова Алексей.

Июль

Кратово и Москва, Лена на велосипеде. Приезд отца. Поездка в Покровское¹. Возвращение. Вызов к Ильичеву. Сурков, Бажан, Леонов, Рюриков, Сучков, Анисимов² и т. д.

О симпозиуме.

Мартин Либерман³. Японцы. Драка в ВТО. С Эмкой⁴ спор с Либерманом у нас.

---

¹ Село Покровское Рязанской области, родина Павла Васильевича Аксенова.

² *Сурков Алексей Александрович* (1899–1983) — поэт, один из руководителей СП СССР, кандидат в члены ЦК КПСС. *Бажан Микола Платонович* (1904–1983) — украинский поэт, председатель СП Украинской ССР с 1953 по 1959 годы. *Леонов Леонид Максимович* (1899–1994) — писатель, драматург, общественный деятель. *Рюриков Борис Сергеевич* (1909–1969) — советский литературный функционер. *Сучков Борис Леонтьевич* (1917–1974) — литературовед, зам. главного редактора «Знамени», член-корреспондент АН СССР. *Анисимов Иван Иванович* (1899–1966) — литературовед, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького, член-корреспондент АН СССР.

³ Неустановленное лицо.

⁴ *Наум Коржавин* (Наум Моисеевич Мандель, род. 1925) — поэт, публицист; живет в Бостоне (США).

Август

Ленинградский симпозиум. Натали¹, Пенго², Роб-Грийе, Энгус Вилсон, Голдинг, Рихтер, Энценсбергер³ и т. д. Выходка Соболева⁴. Ужин с Эренбургом. Встреча с Евт. Примирение. Выступление. Кадрение в порту. Булат. В Москве катание на пароходе. Вигорелли⁵, Рихтер, Эн-

ценсбергер и финны⁶ у меня. Потом Натали. Ужин с ней в ВТО.

Вылет в Коктебель.

В Коктебеле хорошо. Патрулирование Светы⁷. О Первенцеве Вл. Бахнов⁸. Походы, при...(нрзб.), купания, вино, день рождения.

В последний день дикая ссора с Кирой.

---

¹ *Саррот Натали* (1900–1999) — французская писательница русского происхождения (Наталя Ильинична Черняк), родоначальница «нового романа».

² Неустановленное лицо.

³ *Роб-Грийе Ален* (1922–2008) — французский прозаик, сценарист, кинорежиссер, идеолог «нового романа». Упоминается Аксеновым вне дневника в той же записной книжке: «Прогулка по Ленинграду с Аленом Роб-Грийе». *Вилсон Энгус* (1913–1981) — английский писатель; *Голдинг Уильям Джеральд* (1911–1993) — английский писатель, лауреат Нобелевской премии 1983 года; *Рихтер Святослав Теофилович* (1915–1997) — выдающийся пианист; *Энциенсбергер Ганс Магнус* (род. 1929) — немецкий поэт, писатель, переводчик.

⁴ *Соболев Леонид Сергеевич* (1898–1971) — писатель, председатель правления Союза писателей РСФСР. Войдя в буфет, где Аксенов, Гладилин и Эдвард Олби пили пиво, начал возмущаться, что нет спасенья от хиппи, которые пролезли даже на писательский симпозиум! См. комментарий А. Гладилина: «Леонид Соболев, писатель, начинавший хорошо (роман “Капитальный ремонт”), потом прославился своей фразой, выступая на Первом съезде советских писателей в 1934 году: “Партия дала нам все права, кроме одного — писать плохо”. В конце 1956 года, после венгерских событий, когда Хрущев испугался, что Московский союз писателей может стать базой оппозиции на манер “клуба Петефи”, Леонид Соболев быстро сообразил, куда ветер дует, и выступил с инициативой создания Союза писателей РСФСР.

Инициатива Соболева правительству понравилась. Дескать, известные писатели обосновались в Москве и Ленинграде и зазнались, надо им противопоставить истинно русскую организацию, ведь живут же на просторах России литераторы. Соболеву дали “зеленую улицу”, и в короткий срок он создал Российский союз писателей, численностью более тысячи человек. Поясню: разумеется, были в российской провинции талантливые литераторы, но не в таком количестве. В Ленинграде и Москве принимали в Союз писателей только после двух изданных книг, на которые был какой-то общественный резонанс. Соболев буквально принимал в Союз писателей за два стихотворения в районной газете. Публика собралась славная, не скрывающая своей ненависти к зажавшимся столичным “евреям и стилям”. И вот на этом ленинградском симпозиуме Соболев со свитой

вошел в какой-то буфет и увидел этих самых ненавидимых стилистов, которые, на западный манер, сидели в баре и пили не родную водку, а коктейли. Соболев начал было орать — мол, безобразие, как это стилисты пускают на международный симпозиум! Но ему тихо объяснили, что это и есть участники международного симпозиума, причем среди них много иностранцев, а один из них, американец, — автор знаменитой пьесы “Кто боится Вирджинии Вулф”, которая идет в театрах всего мира. Соболеву пришлось смущенно удалиться. Подробнее об этом см. в книге Кабакова и Попова “Аксенов”».

⁵ *Вигорелли Джанкарло* (1913–2005) — итальянский литературный критик, генеральный секретарь Европейского содружества писателей.

⁶ Участники симпозиума.

⁷ «Я про это ничего не знаю. Но это точно не моя Света из Риги» (А. Гладилин).

⁸ Популярная в 1960–1970-е годы песня Владлена Бахнова «Ах, что за чудная земля / Вокруг залива Коктебля...», написанная в ответ на мракобесную статью писателя Аркадия Первенцева (1905–1981) в одной из центральных газет (см. также роман Аксенова «Таинственная страсть», 2010, глава «Шорты»).

Сентябрь

Кратово. Работа над «Лаб.». Визит Юрки Акимова¹. Дождь.

Вторая половина в Переделкино. Золотая осень. Запорожец². Толька. Мишка Демиденко³ (случай с ним в темноте), Саша Межиров. Внуково, мотель, ЦДЖ. Света. Истерика.

---

¹ Товарищ Аксенова по магаданской школе и казанскому институту.

² Имеется в виду «Запорожец» Анатолия Гладилина. Многие писатели начинали с «Запорожца»: Булат Окуджава, Владимир Войнович, Георгий Владимов, Василий Аксенов. А Гладилин вспоминает: «Это про мой “Запорожец”. Я был первый из наших писателей, кто купил эту машину. Потом “Запорожец” купил и Аксенов, и Войнович, а Владимов даже разбился на нем». О технических качествах этой знаменитой машины можно прочитать в рассказе Гладилина «“Запорожец” на мокром шоссе».

³ *Демиденко Михаил Иванович* (1929–2003) — сценарист, писатель.

Октябрь

Только с Машкой¹. Возвращение из Переделкино. Ссора с Кирой. Бегство в Ригу. Моника. Бегство от Моника². Ночлег у Илана³. Пьянство. Отъезд.

В Москве — примирение. Заканчиваю пьесу⁴. В «Юности» «Лаб» отклоняют. Встреча с Ильичевым по поводу сборника.

Знакомство с Леной⁵ у них.

---

¹ Жена Гладилина — Мария Яковлевна, дочь детского писателя Якова Моисеевича Тайца (1905—1957).

² Перечисленные обстоятельства нашли отражение в позднем аксеновском рассказе «Карусели» («Юность», 1995, № 7). Сильно подвыпивший герой рассказа, вместо Ленинграда по ошибке оказавшийся в Риге, находит пристанище у знакомой рижанки, которая воспринимает его неожиданный визит как начало совместной жизни. Собираются ее родственники и друзья, чтобы поздравить молодую пару, но протрезвевший гость, выйдя из дома якобы в парикмахерскую, обращается в бегство.

³ Рижский знакомый Аксенова.

⁴ «Всегда в продаже».

⁵ *Окамова Елена* — известная в писательской среде московская красавица; с ней, по-видимому, связаны аксеновские рассказы тех лет — «Перемена образа жизни», «Маленький Кит, лакировщик действительности» и др.

Ноябрь

Встречи с Леной. Заканчиваю пьесу. Влюбленность в Лену. В «Новом мире» «Лаб.» отклоняют. Сдаю в «Молодую гвардию». Сдаю в театр пьесу¹. Интриги Плучека против Ефремова. Встречи со Стейнбеком и Олби.

---

¹ В «Современник» Олега Ефремова.

Декабрь

С Леной в Ялте. Возвращение. Читки пьесы в «Современнике». Невозможность встреч. Знакомство со Стальной¹. У Киры аборт. Разговоры в «Молодой гвардии».

Встреча Нового года в ЦДЛ. Приход туда Лены².
Стыд и тоска.

---

¹ Стальная птица — прозвище *Владимира Дьяченко* (1934—1998) — кинорежиссера Одесской студии, дружившего с писателями круга Аксенова, прекрасного автомобилиста. Бенедикт Сарнов помнит шуточный стишок о нем: «Там, где Аксенов не пройдет, / Гладили где не просочится, / Где Поженян не проползет, / Там пролетит Стальная птица». Кроме того, «Стальная птица» (1965) — повесть В. Аксенова, распространявшаяся в самиздате.

² «Аксенов, в отличие от Евтушенко, не афишировал своих любовниц и старался Лену прятать, но как спрятаться в Москве? Помню такой случай: Аксенов с Леной приглашают меня в ресторан. “Только, — говорит Вася, — давай в какой-нибудь простенький, где никто ни из ЦДЛа, ни из Дома актера не бывает”. Выбрали какой-то захудалый “Поплавок”. Приходим, садимся, заказываем. И видим, как через столик нам приветливо машут руками военные писатели Юрий Бондарев и Гриша Бакланов. В те годы они еще были неразлучными друзьями...» (комментарий А. Гладилина).

Январь 1964

Разоблачение по телеграмме¹. Ужас. Жалею Киру. Всеобщее замешательство. Звонки. Ужасные сцены. Чуть ли не разрыв. В Переделкино пишу новую главу для «Лаб.». Повесть принята. Кое-как сцепленная семья.

---

¹ См. комментарий Анатолия Гладилина к предыдущему письму.

Февраль

Редкие встречи с Л. Пьянство с Гнеушевым¹. ЦДЛ, ЦДЖ, ВТО. Вышла «Катапульта»².

---

¹ *Гнеушев Владимир Григорьевич* (1927—2011) — поэт, драматург, журналист; в 1960-е годы был близок с Аксеновым: в основе рассказа «Высоко там в горах, где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах...» — совместная с Гнеушевым поездка по Северному Кавказу.

² Рассказы и повесть «Апельсины из Марокко», издательство «Советский писатель», 1964.

Март

Отъезд в Л-д с «Юностью». Сумасшедший дом. Сцены Киры и Беллы¹. Отъезд в Дубулты. В Дубултах Толька, Стасик, Гриша². Дружба с Гришей. Выпивки. Алла?³ Вся эпопея со Стальной и Тамарочкой⁴. Письма от Лены. Разные. Письма от Киры. Уезжает в Карловы Вары.

Написал сценарий⁵.

Явление Гии⁶ и Юсова⁷.

---

¹ По-видимому, в воспитательных по отношению к Аксену целях — из-за его повышенного интереса к алкогольным напиткам.

² Имеются в виду Анатолий Гладилин, Станислав Рассадин, Григорий Поженян.

³ Алла Ефремовна Гербер (род. 1932) — кинокритик, писательница, впоследствии политический и общественный деятель. «Алла? Естественно, это Алла Гербер. Повторяю: умная милая женщина, но скрыться от нее нам с Васей так и не удавалось...» (комментарий А. Гладилина).

⁴ Подруга Владимира Дьяченко, с которой он приехал в Дубулты; Аксенов брал на себя заботы по их благоустройству. См. комментарий А. Гладилина: «Со “Стальной птицей” все ясно, а Тамарочка, видимо, — его верная жена, которая терпела от Володи Дьяченко все ужасы своего замужества».

⁵ Название установить не удалось; возможно, имеется в виду «Бурная жизнь на юге»

⁶ Дanelия Георгий Николаевич (род. 1930) — киноактер, режиссер и сценарист.

⁷ Юсов Вадим Иванович (1929—2013) — кинооператор, работал с Андреем Тарковским.

Апрель

Готовимся к отъезду в Таллин. Телефонограмма: «Лаб.» остановила цензура. Выезд в Москву. Кира в Карловых Варах. Возня с повестью. Визиты к Камшалову¹. Разрешили. Слухи о Лене и Илье. Не звоню, не встречаюсь. Повесть вышла. Вернулась Кира. Радость моя, Кит².

Выступление в Идеологической комиссии. Поездка в Таллин вместе с Эрнстом³ в поисках дачи. Клога — Рад⁴ пустой под ветром. Конец контактной подвески⁵.

Договор с Кон. Дан. Еж. Каз⁶.

Загул. Лена. Платок.

---

¹ Камшалов Александр Иванович (род. 1932) — секретарь ЦК ВЛКСМ по идеологическим вопросам с 1962-го по 1970 год.

² Домашнее имя сына Аксенова Алексея.

³ Имеется в виду Эрнст Неизвестный.

⁴ Клога (правильно — Клоога) — небольшой поселок недалеко от Таллинна.

⁵ Очевидно, это связано с какой-то аварией с проводами в Клооге.

⁶ См. комментарий А. Гладилина: «Это договор Аксенова на написание киносценария с Конечким, Дanelия, Ежовым и Юрой Казаковым. Договор с такой компанией изначально был обречен на провал. Юра Казаков был прекрасным прозаиком, но киносценарии он писал так (Аксенов мне цитировал): “Яркий куст источал сильнейший запах сирени”».

Май

Договора на «Мосфильме» не заключают. Интриги вместе со Стальной¹. Отъезд со Стасиком² в Грузию. В Грузии Отар и Томаз³, Гурам Асатиани⁴. Возвращение из Грузии. Кира едет в Таллин. Лена с Чудаковым⁵ ходит в ЦДЛ по мою душу. Встретились. Пошли к Вайсбергу⁶. Потом мы у Гладилина. Возобновились редкие встречи.

---

¹ По-видимому, в попытках подписать договор на «Мосфильме».

² Имеется в виду С. Куняев; тогда еще Станислав Куняев и Василий Аксенов принадлежали к одному писательскому кругу.

³ Чиладзе Отар Иванович (род. 1933) — грузинский поэт, прозаик; Чиладзе Тамаз Иванович (род. 1931) — грузинский писатель.

⁴ Асатиани Гурам Леванович (род. 1929) — грузинский литературный критик.

⁵ Чудаков Сергей Иванович (1937–?) — поэт, литературный критик, завсегдатай ресторана ЦДЛ.

⁶ Вайсберг Аркадий Иосифович (1927–2011) — адвокат, писатель, драматург.

Июнь

Неслыханная жара. Семинар под Подольском. Замечательно. 4 дня спорта и дружбы. Стальная крутится. Возвращение из Подольска. Китяра один во всем дворе, носится в траве. Заключили договор¹. Получил деньги предпоследним, встреча с Леной. ПЕН-клуб². Отъезд в Кейла-Йоа³ со всем барахлом и с Пашей⁴. Кит в окне.

---

¹ На «Мосфильме».

² Константин Симонов обратился в правительство с предложением создать советский писательский ПЕН-клуб как клуб писателей; советские писатели в те годы не знали, что ПЕН-клуб — это, прежде всего, правозащитная организация.

³ Курортное место под Таллинном.

⁴ Домработница Аксеновых, родом из Молдавии.

Июль

Прекрасный месяц в Кейла-Йоа. Написал пять рассказов¹. Катания, прогулки. Кит купается в море. Пустой пляж, лес, водопад. Л. не приехала. Поездка в Пирита².

---

¹ «Дикой», «Местный хулиган Абрамишвили», «Товарищ красивый Фуражкин», «Маленький Кит, лакировщик действительности», «Жаль, что вас не было с нами».

² Самый крупный пляж Таллинна.

Август

Явилась Стальная на автомобиле. Поездка в Таллинн. Загуляли. Работа над сценарием. Кира уезжала в Москву на 4 дня. Встречи в Таллинне с читателями. Путешествие. Хаапсалу, Лухула, Пярну, Таллин, Нарва, Ленинград. Штучки Стальной¹. У Ахматовой. Встреча с Горышиным². Обратно вместе. День рождения в ресторане «Таллинн». Кяннукук³. Витька — матрос⁴. Кира, Кит, Паша на самолете. Жуткое волнение⁵. Слава Богу, все кончилось благополучно! Улетаю сам.

---

¹ Аксенову нередко приходилось оплачивать затеи Владимира Дьяченко.

² Горышин Глеб Александрович (1931—1998) — писатель.

³ Таллиннский ликер «Кянини кукк», в переводе на русский — «Петух на пне». Кянукук — прозвище одного из персонажей повести «Пора, мой друг, пора».

⁴ По-видимому, писатель Виктор Конецкий.

⁵ При взлете обнаружили какие-то неполадки, самолет сделал несколько кругов над аэродромом.

Сентябрь

В Москве интриги. Стальная свалился в Ленинграде. В Переделкино работаю над «Путешествием»¹. В «Новом мире» рассказы отложили. 4 из пяти приняли в «Юности»². В конце месяца вылетаю в Одессу³.

---

¹ Имеются в виду «Японские заметки».

² «Дикой», «Местный хулиган Абрамишвили», «Товарищ красивый Фуражкин», «Маленький Кит, лакировщик действительности».

³ С намерением написать сценарий морской кинокомедии.

Октябрь

Одесская эпопея с Конецким, Казаковым, Ежовым¹, Данелия². Мюзик-холл. Флотилия «Слава»³. Бегство во Львов, а Казакова в Казахстан. Инкогнито во Львове. Пишу грузинский очерк⁴. Разоблачили. Толик Конов⁵ — мейнджер. Знакомство с Соснорой⁶. Особняк Вики Малеевой⁷. Очень хорошие отношения с мамой⁸. Тонька⁹ — взрослая девица. Отъезд в Москву.

---

¹ Ежов Валентин Иванович (1921—2004) — сценарист кинофильмов «Баллада о солдате», «Крылья», «Чистое небо».

² Сценарий кинокомедии было задумано писать сообща, но вместо работы «сценаристы» ударились в загул. А в какой-то момент осознав это, разъехались в разные стороны.

³ Китобойная флотилия, базировавшаяся в Одессе до начала 60-х годов. Промысел китов велся у берегов Антарктиды.

⁴ Не установлено, о чем идет речь.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Соснора Виктор Александрович (род. 1936) — поэт-авангардист.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Евгения Гинзбург после Магадана жила во Львове.

⁹ *Вальтер-Аксенова Антонина Павловна* (Хинчинская; род. 1945) — российская актриса; приемная дочь Евгении Гинзбург, удочеренная ею в Магадане.

Ноябрь

Начался бурными ссорами. 2 тысячи долгов. Последняя встреча с Леной. Отар, Гурам, Мишель. У Гнеушева начало репетиций в «Современнике». Работа над пьесой¹. В конце месяца рассчитался с долгами.

Джон Чивер².

---

¹ Аксенов продолжает дописывать пьесу «Всегда в продаже».

² «Джон Чивер — старенький и не очень у нас известный американский писатель, которого по каким-то соображениям Иностранная комиссия пригласила в Москву. Явно большой любитель выпить. Помню, мы с ним и Аксеновым сидели в Пестром зале ЦДЛ (кто переводил — не помню), много принимали на грудь и рассуждали почему-то на тему того, что, дескать, Нобелевские премии присуждают несправедливо» (А. Гладилин).

Декабрь

Поездка в Харьков. Алик Гуревич¹, Вал. Харченко², Юра Турчик³, Леонтович, Нелка, Ушанги⁴, Вика. Возвращение. Ссоры. Работа над пьесой. Репетиции. Джон Апдайк⁵. Евтушенко, Лена в ВТО и после танцы у Е⁶. Вылет в Краснодар к Садовникову⁷.

Вышли рассказы⁸.

Краснодар, Новороссийск, Абрау-Дюрсо. Возвращение, встреча с чехами. Ссора с Балтером⁹. Злюсь. Свадьба Садовникова¹⁰. Встреча Нового года в ЦДЛ. Все то же и все те же.

---

¹ Неустановленное лицо.

² По-видимому, *Харченко Валерий Николаевич* (род. 1938) — режиссер, актер, сценарист.

³ *Турчик Юрий Сергеевич* (1926—2008) — крымский писатель, директор Ялтинского музея А. П. Чехова.

⁴ *Леонтович, Нелка, Ушанги* — неустановленные лица.

⁵ «Вот Джона Апдайка, тогда очень популярного в России, Иностранная комиссия принимала по первому классу. Не знаю, удалось ли Апдайку пройти по улицам Москвы, ибо с утра до вечера он сидел то за одним, то за другим столом в Дубовом зале ЦДЛ, в компании разных секретарей Союза писателей СССР, и столы ломились от еды и закусок (естественно, все за счет Иностранной комиссии). Мне кажется, что у Апдайка создалось впечатление, что в Москве все с утра до вечера пьют водку и закусывают черной икрой. Впрочем, однажды Фрида Лурье, консультант по американской литературе в Иностранной комиссии, которая относилась к Апдайку с материнской нежностью, все-таки объяснила ему, что неплохо бы в перерывах между официальными банкетам встретиться с двумя молодыми знаменитыми писателями, которые... В ЦДЛ к нам бы обязательно кто-нибудь подсел, поэтому мы с Аксеновым выбрали Дом актера. Подробности этих посиделок — в моем романе “Меня убил скотина Пелл”» (комментарий А. Гладилина).

⁶ Евтушенко.

⁷ *Садовников Георгий Михайлович* (род. 1932) — писатель, автор повести «Иду к людям», по которой в 1973 году будет снят четырехсерийный телефильм «Большая перемена», друг Аксенова и Гладилина.

⁸ Рассказы «Дикой», «Местный хулиган Абрамишвили», «Товарищ красивый Фуражкин», «Маленький Кит, лакировщик действительности» вышли в «Юности» (№ 12).

⁹ По-видимому, в связи с какими-то критическими высказываниями в адрес аксеновского поколения; *Балтер Борис Исаакович* (1919—1974) — писатель, ветеран войны, автор повести «До свидания, мальчики!» (1961).

¹⁰ Происходила в Москве; свидетелем со стороны жениха был Василий Аксенов, а со стороны невесты — Анатолий Гладилин.

Январь 1965

На даче у Евтушенко. 8-го летим в Фрунзе¹. Фрунзе. Айтматов. Петрусь Бровка поражен моим откровением. Ал. Михайлов². Вл. Мак. Пискунов³. Гостиница в горах. Арык. В кафе наболтал много пьяного вздора. Шимгудмэн. Возвращение в Москву. Репетиции в театре⁴. Пять дней в Малеевке. Работа над пьесой и над Звездным. Репетиции. Отослал в Ленинград сценарий⁵. Большой худсовет Мосфильма. Пьянство с Рекемчуком⁶. Клуб «Юности». Отравление. Кира.

---

¹ Столица Киргизской ССР, ныне Бишкек.

² Михайлов Александр Алексеевич (род. 1922) — литературный критик, литературовед.

³ Пискунов Владимир Максимович (род. 1925) — литературный критик, литературовед.

⁴ В «Современнике».

⁵ По-видимому, для фильма «Хозяин» (выйдет на экран в 1970 году).

⁶ Рекемчук Александр Евсеевич (род. 1927) — писатель.

Февраль

Репетиции. Миллер¹. История с Кирой. Кутера в Черемушках. Зюзинский лес. В главке по «Путешествию». Ссора с Ефремовым². 14-го отъезд в Дубулты. Здесь Бен³, Балтер, Стас, Толька. Пишу «Убийцу»⁴. Вчера, 18/II, Толька раскрыл карты⁵. Пока не знаю, что делать. Кто тут виноват, не знаю. За час до сообщения Тольки шел с переговорного пункта по ночному Майори и удивительно тепло думал о Кире. Собирался 14 марта пригласить ее вдвоем в ресторан, провести вечер вдвоем, как когда-то.

---

¹ Миллер Артур Ашер (1915–2005) — американский драматург.

² См. ниже запись от 7 марта 1965.

³ Имеется в виду Бенедикт Сарнов.

⁴ См. комментарий А. Гладилина: «Я не знаю, что это за вещь — “Убийца”. У Аксенова часто бывало, что он давал своей повести или пьесе одно название, а выходили они под другими. Ведь даже самый знаменитый в советское время аксеновский роман “Звездный билет” сначала назывался “Орел или решка”».

⁵ См. комментарий А. Гладилина к следующей записи.

7 марта 1965

Трясет¹ последний вагон № 0 (международный) — уезжаю из Дубулт. Проводы — Рэм Трофимов, Саша Чигас (выпивали у него), Юра Лебедев² (старый младенец). Я уезжаю и оставляю верного и милого Тольку, а все остальное х-йня. Написал 2/3 «Убийцы» и совершенно неожиданно «Победу» (наблюдение за шахматной игрой). По телефону — Кира сделала аборт. Неожиданно полу-

чил письмо. Видно, С. П. дал координаты. Где и что, и надо ли? Ужасное чувство перед возвращением в Москву. Мысль об «ищите третьего...»³. Условность всеобщая. Молодая особа и старые особы. Что в театре⁴? Полная неизвестность. Мне кажется, что Ефремов, наряду с умными предложениями, самоутверждается и все тянется к модерну. Никаких девочек не было. Непонятное равнодушие к девочкам. Что я буду делать в Москве?

Вчера только перед отъездом были люди, всегда так глупо. Утром последнее катание на лыжах. Солнце, тень, жара ужасная.

В Дубултах с церкви снесли перекладину креста. Разрушена гармония этого единственного спокойного вида.

Gala Saknes⁵. Толька читает про тигра. Пинг-понг. Командует в красной рубашке.

День рождения Рэма (нрзб).

Итак, я безмятежно и мятежно в полной неизвестности, сохраняя респектабельность и (нрзб), качу в Москву.

---

¹ Весь текст этой записи трудночитаем.

² *Чигас, Лебедев* — неустановленные лица.

³ См. комментарий А. Гладилина: «“Толька раскрыл карты...” У Васи даже отмечена дата — 18 февраля. Это была моя большая глупость, более того — идиотизм... И тут требуется подробное объяснение.

Наши жены, и Кира, и Маша, были примерными советскими девочками, для которых семья — это было святое, да и мы с Аксеновым тоже поначалу были такими. Но на нас с ним в молодые годы свалилась неожиданная, немыслимая слава, и как говорила одна из моих знакомых: “Мол, ее предупреждали, что вас окружает круг поклонниц, через который не пробиться”.

На самом деле это была сильно преувеличенная легенда. Со всей ответственностью заявляю, что для нас с Аксеновым на первом месте была работа, то есть литературное творчество. На втором — добывание денег на содержание семьи. Были периоды, когда нас не печатали, а деньги для жены и ребенка надо было как-то доставать. И уж на третьем — разные приключения на амурном фронте. Но вот эта легенда о сонме поклонниц не улетучивалась и естественно вызывала у наших жен отрицательную реакцию. И в конце концов, логически... Тут я останавливаюсь, чтоб не наболтать лишнего. Кстати, в писательской среде это было нормальным явлением — скажем, совершенно прозаически, без особых эмоций, в ЦДЛе обсуждались очередные приключения Беллы Ахмадулиной. И вот, видимо, в этот февраль-

ский вечер в Дубултах, когда Аксенов начал мне говорить, как ему неудобно перед Кирой, как ему ее жалко, я, видимо для того, чтоб его успокоить, сказал: “Да брось переживать! В конце концов, у нее роман с...” У меня было впечатление, что об этом в Доме литераторов знают даже официантки, а уж Василий Палыч — тем более. Но Вася, оказывается, ничего не знал. Я это сразу почувствовал, но было уже поздно, слово — не воробей. Год назад такой же удар испытал я сам, когда Маша что-то рассказала мне про себя. Повторяю, я был уверен, что Аксенову все известно. И вся дневниковая запись, датированная 7 марта 1965 года, когда он возвращался в Москву в международном вагоне, посвящена только этому событию. Мысль об “ищите третьего” — это мысль о “третьем”, который возник между Васей и Кирой. Поэтому в эту ночь у него в голове полная неразбериха. Он вспоминает Дубулты и то, как мы с ним играли в пинг-понг, и как я читал вслух свой рассказ “Тигр переходит улицу”, и все его волнения, связанные с пьесой в театре “Современник”... Вспоминал и (цитирую эту запись из дневника Аксенова) писал: “Я безмятежно и мятежно в полной неизвестности, сохраняя респектабельность, качу в Москву”».

⁴ Речь идет о подготовке пьесы «Всегда в продаже» в «Современнике».

⁵ Неустановленное лицо.

22 марта

С Толей Н.¹ у Ахматовой. На Таганке. Спектакль по Джону Риду. Красногвардейцы в фойе. Два залпа из настоящих трехлинеек. Поначалу было страшно — Толик думал, что нас застрелят, я думал, что заколют. Замечательно разлагалась на сцене империя и республика. Потом замечательно красиво и пластично наступила революция. Красное пламя — извивающаяся девица в красном трико. Белое пламя — извивающиеся кисти рук. Вообще какая-то возня в театре.

---

¹ *Найман Анатолий Генрихович* (род. 1936) — литератор, литературный секретарь Ахматовой (1963—1966).

28 марта

Утром автобусом выехал в Новгород. Воскресный день. Москва чистенькая, залитая солнцем повсюду. Весь

этот блаженный солнечный, воскресный день мы ехали по России, по Московской области, потом по Новгородской. Все воскресенье — ослепительное, с грязными ручьями, с клочками сухого асфальта, с синими тенями на плотном и еще белом снегу, города, заплеванные семечками и с пьяными.

В Калининне закуска на автостанции сыром и яблочной водой. Миша наваливался на столик, зубами рвал пробку из бутылки вермута. Вася — его родственник, провожал.

Торжок — море разливанное. Чистенький Вышний Волочек. Легкая приятная дремота в полупустом автобусе.

Обед в издавна интриговавшем меня Валдае. Офицер упал в лужу. Под крыльцом трое пили лимонад. Мужчины все хотел допить — тонкая уж у меня натура! Валдай — маленькие домишки карабкаются по холмам, красивый парк.

Везде у автостанций нахлобученные кепки, семечки, междометия — бля, на х-й, е-анный в рот и т. д. Обратись — все объяснят культурно и без междометий. Отмечено повсеместное распространение тонконогих мальчиков и девочек в черных чулочках. Самое молодое поколение.

Прозрачный и печальный вечер на автостанции в Крестцах. Молодое поколение томится, тузит друг друга. Подошел представитель среднего поколения. Предложил золото. Недорого. Рубль — и золото ваше. Показал колечко. Должно быть сташил у жены.

В сумерках воскресные толпы мужчин подтягиваются к освещенным окнам магазинов.

В 9 ч. ровно въехали в загадочный Новгород. Одиночные световые рекламы и широченная световая полоса «Кафе молодежное», где за стеклами опять все та же современная молодежь расселась, утверждая стиль «Голубого огонька». Вот так Новгород!

29—30 марта

С утра до вечера шатание по Новгороду с промокшими ногами.

Обычный областной город с бесконечными львовскими автобусами, газиками, самосвалами, волгами. Борьба за благоустройство. Монументальный обком в стиле позднего онуфризма. И вот среди желтизны нынешних построек (преобладает желтый цвет) там и сям мутно белеют церкви Господина Великого Новгорода. Несмотря на страшные военные разрушения, их все еще много осталось, много восстановлено. Почти все они закрыты на замки, внутри, вероятно, мерзость запустения. В двух местах старина сгущается — это Кремль и через Волхов Ярославово дворище. Когда-то здесь был Великий Новгородский мост. Тут досадные попытки включить воображение, дорисовать. Ничего не получается. Попробуй вообрази Волхов, забитый ладьями, дорисуй разрушенные башни и усадьбы, запруди все это теми людьми и зачеркни телевышку, флаги, лозунги, автобусы. В Софийской звоннице помещается промторг. В Никольском соборе XII века планетарий.

Венец всего — Новгородская София, самое старое здание в России — XI век! Центральный купол как шлем гиганта. Покой и простота гладких белых стен. Еле видимые фрески.

Внутри — роспись конца XIX века. От старины осталась лишь одна фреска и мозаика у Престола. Тетка-дежурная показала гробницу Мстислава Удалого. Там ли это?

Перед Софией могила Державина и его жены.

Монумент Тысячелетия России — патриотический гимн. Счет, видимо, идет от Рюрика. Наверху фигуры гигантов, ниже: священнослужители и мудрецы, Кирилл и Мефодий, Нестор-летописец, патриарх Никон и т. д.; затем князья, цари, политические деятели, здесь среди наших и литовцы Гедымин, Ольгерд, Витовт; потом полководцы, начиная от Святослава, кончая Нахимовым; потом писатели от Ломоносова до Баратынского. Шел дождь, в черном мраморе смутные отражения, от черной бронзы, от голов, плеч, от мечей, держав, скипетров, крестов, папирусов отскакивали и попадали в лицо крупные капли. 1862 год. Микешин.

В музее замечательная коллекция икон и поздней живописи. Древние иконы, потом школа Феофана Грека, есть вещи Репина, Серова, Пастернака, Коровина, Петрова-Водкина.

Сейчас пойду еще раз в музей.

Два дня здесь жил в полном одиночестве, разговоры только с обслуживающим персоналом, читал, отсыпался, сто грамм на ночь. Вчера выпил немного больше, потянуло идиота в «Молодежное кафе». К счастью, там был закрытый вечер школьников.

Позвонил в Москву — у Лены ветрянка разыгралась вовсю. Температура 39 градусов. Ужасно волнуясь, сегодня уезжаю домой. Хорошо, что побывал здесь, вырвался из идиотского цедээловского мира.

Надо сделать вот что:

1. Выпустить спектакль.
2. Закончить договорную пьесу.
3. На юге написать «Бурную жизнь»¹.
4. Про гигантов.
5. О Блоке².
6. Детская книжка³.
7. Стальная птица⁴.
8. Распланировать, хотя бы ориентировочно, поездки и лето.

Что было в марте. Сначала был Всероссийский съезд дворников. Прошел на высочайшем интеллектуальном уровне. Обеды с Женькой, Конечким, Казаковым, Горышиным, Шимом⁵, Вильямом Козловым⁶. Последний привел двухметровую датчанку Еву Андерсен.

8-го марта пьянство началось в Кремле, потом твисты в ЦДЛ, закончилось в Доме кино.

Затем все время изматывающая и возбуждающая работа в театре. Приехал Толя Найман. С ним, с Милой⁷ и М. Козаковым ездили в село Коломенское. Солнечный день, обед в «Баку». Дом архитекторов. Свечи. Кикок имени Хичкока.

Частые встречи с Толей, хорошие разговоры. Ему понравилась «Победа»⁸. Читал А. А. Ахматовой. Ей тоже понравилось. В «Смене» завернули мне «Жаль, что вас не было с нами»⁹. Ситуация. Какая же ныне ситуация?

Ездили с Женей к Олегу Целкову. Цикл его последних картин — потрясающ. Красные, налитые, как волдыри, рожи с низкими лбами и мощными шеями, цветы и голубые ножи. Замечательный художник.

Андрей Волконский¹⁰ (инязище) сочиняет музыку для спектакля.

Выдумки Табакова.

Репетиции, прогоны. Ночной прогон 22 марта. Жуткая нервная дрожь, но уверенность в успехе. Ефремов губами прошептывает весь текст.

Наконец, 23 марта утренний прогон в костюмах, в гриме, с декорациям, показ для начальства и публика — различные драматурги, критики, интеллектуалы (С. Чудиков).

Что же это было — провал или не провал? Раньше это называлось провал, сказал Т. Найман. Всего два вызова. В сцене (нрзб.) измерения на меня повеяло мертвенной скукой. Не так это надо играть.

Драматурги, кажется, шокированы.

В. М. Озеров¹¹ по телефону — новый этап советского театра.

Кто говорит гениально, кто — вздор.

Кажется, есть возможность «пробить инстанции». Посмотри, посмотрим, сказал старик-дракон.

Ефремов, Табаков, Козаков, я — мы все весьма злы.

Обед в «Пекине» с Женей, Робертом, Козаковым, Эддисом¹², Гизей¹³, Мариной¹⁴. Галя¹⁵ «изменила мнение обо мне», теперь я просто «свиненок». Напилась она, бедная. Потом в «Арагви» Ефремов и Мельман¹⁶. Женя привел Алана Гинзберга¹⁷, волосатого еврея. На следующий день Алан у меня. Рассказывает о наркотиках и гомосексуализме, бьет в литавры, поет индийские песни. Городской сумасшедший.

Уезжаю в Новгород.

Перед отъездом был на спектакле Хмелика¹⁸ «В нашей школе все в порядке». Все правильно и все смешно в этой пьесе, но все-таки она вызывает горечь из-за насмешек над В., Е.¹⁹, в общем над «нами», как это ни глупо звучит. И все-таки сейчас эти слова: «нас», «мы», «наши» — опять как-то стали звучать после высказываний

Балтера, Наровчатого²⁰ и прочих. «Мальчики, которым были созданы все условия».

По меньшей мере это несправедливо, хотя и было много пошлого и смешного, в этом Хмелик прав.

Выступление по радио.

Поэзия. Слишком много уделялось внимания интимным чувствам, описаниям времен года и слишком мало было гражданских чувств, что не к лицу нашей поэзии. Вл. Константинов раньше писал только публицистические стихи, сейчас они стали более мягкими, лирическими. А. Свечкин стал писать более образно, более гражданственно²¹.

---

¹ Сценарий кинокомедии, будет написан во второй половине 1960-х. В 1970 году на том же материале будет написан рассказ «Одно сплошное карузо» (будет опубликован в 1981-м в эмигрантском периодическом издании «Russika-81»).

² Замыслу об Александре Блоке чуть ниже (в конце дневниковых записей) посвящены 4 отдельных странички, содержащие подробное описание кабинета Блока, некоторые биографические сведения о нем, адреса мест его проживания в Петербурге, а также упоминания лиц из ближайшего окружения.

³ По-видимому, замысел детской повести «Мой дедушка — памятник»; будет написана в конце 1969 года и опубликована сначала в журнале «Костер» (1970), а затем книгой — в издательстве «Детская литература» (1972).

⁴ Повесть будет написана в 1965 году, но опубликована в России только в 1991-м издательством «Текст».

⁵ *Шим Эдуард Юрьевич* (1930—2006) — детский писатель, драматург, см. о нем в книге воспоминаний Анатолия Гладилина «Улица генералов» (М.: Вагриус, 2008, с. 172—176).

⁶ *Козлов Вильям Федорович* (1929—2009) — писатель.

⁷ *Лось Эмилия Ефимовна* — редактор радиовещания на Францию, преподавательница французского во ВГИКе.

⁸ Рассказ впервые опубликован в журнале «Юность» в 1965 году.

⁹ Рассказ будет опубликован в журнале «Москва» в том же году.

¹⁰ *Волконский Андрей Михайлович* (1933—2008) — композитор, дирижер, родился в Женеве, с 1947-го по 1972 год жил в России, с 1972-го — во Франции. А. Гладилин вспоминает: «Андрей Волконский — князь, княжеское семейство после войны, как и многие другие эмигранты, вернулось из Франции в СССР, но Волконских не посадили. Он учился в Московской консерватории, женился на моей подруге по Литературному институту, Гале Арбузовой (дочери знаменитого драматурга А. Арбузова и падчерице К. Паустовского). Уст-

раивал в Москве вечера камерной музыки, где сам играл на клавесине, а потом создал собственный ансамбль старинной музыки, который назывался «Мадригал».

¹¹ *Озеров Виталий Михайлович* (род. 1917) — критик, литературовед, один из руководителей СП СССР.

¹² *Эдлис Юлиу Филиппович* (1929—2009) — драматург, прозаик; в одно из первых посещений России после эмиграции Аксенов с женой будет жить в его квартире.

¹³ *Ибатуллин Ильгиз Абдуллович* (род. 1931) — доктор медицинских наук, создатель школы «клинической анатомии», школьный друг Василия Аксенова.

¹⁴ Возможно, Марина Влади.

¹⁵ По-видимому, Галина Волчек.

¹⁶ *Мельман (Мельников) Наум Дмитриевич* (1919—1994) — писатель, сценарист.

¹⁷ Американский хиппи.

¹⁸ *Хмелик Александр Григорьевич* (1925—2001) — драматург, писатель, один из создателей телевизионного журнала «Ералаш».

¹⁹ Имеются в виду Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко.

²⁰ Балтер, Наровчатов — писатели военного поколения — и, по-видимому, фраза о «мальчишках, которым были созданы все условия», принадлежит кому-то из них. При этом Балтера (в 1968-м будет исключен из партии) и Аксенова связывало общее неприятие советской действительности.

²¹ Пересказ критического литературного обзора тех лет как объекта пародии (имена «Вл. Константинов» и «А. Свечкин», по-видимому, выдуманы Аксеновым).

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Широко распространенное представление о том, что Василий Аксенов всегда был писателем вполне успешным, что его много и охотно издавали в Советском Союзе с начала 1960-х («Коллеги», «Звездный билет») вплоть до его вынужденной эмиграции в 1980 году, глубоко ошибочно. Однако именно такой представлялась его литературная судьба не только в отечественных писательских кругах, но и в среде эмигрантской, подтверждением чему служат воспоминания Анатолия Гладилина: «Один из мифов про шестидесятников, причем миф устоявшийся, растиражированный, заключается в том, что у нас была очень легкая юность, молодость, что мы очень много печатались, купались в славе, в деньгах и так далее, и так далее»¹.

Интересную статистику приводит книговед Владимир Солоненко. По его подсчетам у Аксенова всего с 1961 по 1980 год вышло 28 книг общим тиражом 1 миллион 378 тысяч 650 экз. В те же годы (правда, последней точкой отсчета тут является 1986 год) у Виктора Астафьева вышло 162 издания общим тиражом 26 млн. экз., у Василия Шукшина — 100 изданий общим тиражом 15 млн. экз., у Валентина Распутина — 88 изданий общим тиражом 8,6 млн. экз., у Анатолия Рыбакова — 174 издания об-

---

¹ *Гладилин А.* Улица генералов. Попытка мемуаров. М.: Вагриус, 2008. С. 67.

щим тиражом 11,4 млн. экз. Со столь же внушительным перевесом опережали Василия Аксенова Владимир Тендряков, Федор Абрамов, Юрий Нагибин, Василь Быков, Борис Васильев, Юрий Бондарев, Даниил Гранин².

Не будем здесь останавливаться на том, что даже в пору официального признания каждое произведение Аксенова пробивалось к читателю с боем, буквально продиралось сквозь редакторские, цензорские, а порой и ЦК-вские препоны. Не будем потому, что предлагаемая переписка относится уже к другому периоду аксеновской биографии, к самому концу 1960-х годов и к годам 1970-м, когда Аксенов фактически был вытеснен из текущего литературного процесса на его периферию, книги его издавались мало и по преимуществу не те, которые он считал своими главными достижениями³.

Так случилось потому, что к причинам, затруднявшим издание его книг даже в самые благоприятные для Аксенова годы (чужеродность принципам социалистического реализма), теперь прибавились причины чисто политические. Он подписывал письма в защиту репрессированных писателей, процессы над которыми развернулись в середине 1960-х, поддержал Александра Солженицына во время IV съезда советских писателей (май 1967-го) отдельным письмом к съезду (см. ниже), вступил в открытое противостояние с заместителем заведующего отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляевым (1975, см. ниже), наконец, в 1979 году возглавил редакцию неподцензурного альманаха «Метрополь», выход которого привел к полному разрыву Аксенова с Союзом писателей.

---

² Владимир Солоненко. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове. М.: Три квадрата, 2010. С. 323—324.

³ Не были опубликованы повести «Стальная птица» и «Золотая наша железка», не могли быть опубликованы написанные в середине 1970-х романы «Ожог» и «Остров Крым», с боем, что называется, прошли в печать «Круглые сутки нон-стоп» и «Поиски жанра». Да и блистательная «Затоваренная бочкотара» вышла в 1968-м явно по чьему-то недосмотру (так считал и сам Аксенов) — это был его последний успех подобного рода.

В результате в последнее десятилетие перед отъездом в эмиграцию Аксенова издают все реже и реже. Отказы приходят не только из столичных издательств и журналов, но также из областных и республиканских. В 1969 году журнал «Север» возвращает рукопись «Стальной птицы», «Москва» — «Золотую нашу железку». Причем главный редактор журнала Михаил Алексеев пишет Аксенову, словно перед ним рукопись дебютанта: «Нет необходимости писать Вам о том, что человек Вы несомненно одаренный». Это он пишет автору «Звездного билета», «Коллег», «Апельсинов из Марокко», «Затоваренной бочкотары» и других известных всей стране произведений и кинофильмов! «Железку» отвергают «Новый мир» в 1973-м и «Юность» в 1974-м с унижительной для Аксенова правкой Бориса Полевого (1974). «Молодая гвардия» в 1976-м) возвращает «Круглые сутки нон-стоп» в такой оскорбительной форме, что Аксенов вынужден ответить: «К сожалению, вынужден Вам указать на некоторое отсутствие этики в Вашем письме от 26 марта за № Д-2. Вы не можете мне писать таким образом, и в оценке своей работы с Вашей стороны я не нуждаюсь — ведь я уже не комсомолец». Издательство «Современник» отказывается переиздавать «Коллег» (1976), «Советский писатель» — сборник прозы с новыми рассказами и повестями (1972)...

При этом среди произведений, увидевших свет, преобладают вещи, как уже отмечено, далеко не самые значительные для творчества Василия Аксенова: заказанная издательством «Политиздат» повесть о Леониде Красине «Любовь к электричеству» (1971), пародийный детектив «Джин Грин неприкасаемый», написанный в соавторстве с Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном (1972), детские повести «Мой дедушка — памятник» (1972) и «Сундучок, в котором что-то стучит» (1976), ну еще отдельные публикации в периодике, в том числе юмористические рассказы на 16 странице Литературки. В Литературке же печатались отрывки из «Золотой нашей железки» (но сама повесть так и не вышла) и отрывки из повести «Поиски жанра». Более значительными были две публикации в «Новом мире»: «Круглые сутки нон-стоп» (1976) и «Поиски жанра» (1978), но эти вещи явились к

читателю в результате ожесточенной борьбы Аксенова не только с литературным начальством, но и с «компетентными органами», которые уже усиленно контролировали жизнь Аксенова, хотя и позволяли ему иногда выезды за границу. Тут уже дело заключалось в написанном в 1975 году «Ожоге», текст которого был известен КГБ и выхода которого на Западе власти боялись, и поэтому порой шли на уступки строптивому автору. В том числе и в разрешении этих двух новомирских публикаций. Но это уже другая тема...

Публикуемая переписка полна отчаяния и справедливого гнева. Так, одно из писем Аксенова (см. ниже) напоминает известное письмо Михаила Булгакова к Сталину. В нем Аксенов пишет: «Вот уже скоро год я перевожу по подстрочникам с киргизского, казахского, грузинского языков. Переписываю чужие, забракованные и полузатраченные сценарии <...> Я обращаюсь к Правлению⁴ с простым вопросом. Смогу ли я в дальнейшем жить своим писательским трудом, то есть сочинять, или мне уготована судьба переводчика, доработчика, правщика, текстовика и т. п.?»

В письме к Борису Полевому (1974, см. ниже), главному редактору журнала «Юность», журнала, некогда открывшего Василия Аксенова и ставшего для него родным домом, Аксенов не скрывает возмущения предпринятой правкой его рукописи: «Кто из писателей и в какой стране принял бы редактуру, учиненную Вами над “Железкой”, как Вы думаете? Неужели Вы хоть на секунду допускаете, что я приму эту редактуру?»

Публикуемые письма Василия Аксенова наглядно показывают, что он не был таким уж баловнем судьбы, каким его порой пытались представить некоторые собраты по перу в России и в эмиграции, и, кроме того, эти письма являют пример бескомпромиссной борьбы писателя за свои творческие права.

Виктор ЕСИПОВ

---

⁴ Правление Союза писателей СССР.

Президиуму IV съезда
Советских писателей
от делегата съезда
Аксенова В. П. (Москва)

Сообщаю Президиуму, что мной получено письмо писателя Солженицына А. И., направленное им в адрес Съезда и, должно быть, уже известное Президиуму.

Я хочу заявить, что солидарен с Солженицыным по вопросу о цензуре. Невероятное долголетнее непрекращающееся давление цензуры опустошает душу писателя, весьма серьезно ограничивает его творческие возможности. Самым отвратительным детищем цензуры является так называемый «внутренний цензор», который стоит за спиной писателя во время работы, дышит ему в затылок, предостерегает, ехидничает, хватает за руку.

Впрочем, и сама реально существующая цензура скрыта от глаз писателя неким мистическим туманом — Главлит. Я не знаю ни одного писателя, который видел бы в глаза своего цензора.

Давление цензуры создает в наших редакциях атмосферу нервозности и уныния. Редактор, предвидя объяснения с Главлитом, из друга и помощника писателя превращается в его первого цензора. Теряется уважение к писательскому труду. «Порезать» текст романа, рассказа и даже стихотворения считается делом естественным и легким.

Мне кажется, что следует в значительной степени ограничить влияние цензуры на наш литературный процесс, воспретить ей вторгаться в художественную ткань произведений.

Кроме того, я хочу сообщить Президиуму Съезда следующее. То, что Солженицын сообщил об обстоятельствах своей жизни и работы в последние годы, поразило меня. Я, как, должно быть, и многие другие наши коллеги, испытываю глубокую тревогу за судьбу одного из самых талантливых советских писателей.

С уважением,

Василий Аксенов, делегат съезда.
Май 1967.

Правлению Московской писательской организации
Копии:
Правлению Союза писателей СССР
Ревизионной комиссии СП СССР
Отделу культуры ЦК КПСС
от Аксенова Василия П., члена СП СССР, члена
Ревизионной комиссии СП СССР

Весной прошлого года Секретариат Московской писательской организации наложил на меня взыскание, а именно «выговор с занесением в личное дело», за подпись под письмом к Правительству по поводу процесса Гинзбурга — Галанскова.

Спустя короткое время в различных редакциях распространились слухи о неких сакраментальных «черных списках», в которые попали все наказанные и я в том числе.

Слухи эти неоднократно опровергались руководящими деятелями писательских организаций.

У меня нет основания не верить этим деятелям. Убежден, что никаких «черных списков» не существовало и не существует. Хочу лишь рассказать о некоторых своих злоключениях в истекшем году.

Мой сборник, который должен был выйти в мае 1968 года в издательстве «Сов. писатель», не вышел до сих пор. Он попал в какую-то странную типографию. Типография эта, оказывается, печатает этикетки для кефирных бутылок и ей недосуг добраться до моей книги.

По ходатайству Секретариата МО и по моей заявке издательство «Худ. литература» собралось заключить со мной договор на сборник из трех повестей. Не понимаю, по каким причинам я был исключен из плана.

По поводу таких пустяков, как «зарезанные» мелкие рассказы в разных изданиях, мне даже не хочется беспокоить Адресата.

Я оказался в довольно трудном положении. Пьесы мои (их у меня четыре) нигде не ставятся и не печатаются, книги (вышеупомянутые и неупомянутые) не выходят, заявки на оригинальные сценарии не принимаются.

Я писатель и живу своим трудом. В прежние годы тоже было нелегко жить этим трудом, в прошлом году стало просто невозможно.

Оказавшись в таком положении, я взялся за несвойственную мне работу. Вот уже скоро год я перевожу по подстрочникам с киргизского, казахского, грузинского языков, переписываю чужие забракованные и полузабракованные сценарии.

Правление писательской организации, как я понимаю, не только карательный орган, но и орган, призванный защищать права членов организации.

Я обращаюсь к Правлению с простым вопросом. Смогу ли я в дальнейшем жить своим писательским трудом, т.е. сочинять, или мне уготована судьба переводчика, доработчика, правщика, текстовика и т. п.?

Хотелось бы получить ответ.

В. Аксенов

В практическом смысле это означает:

1. Может ли Правление поинтересоваться судьбой моей книги в «Сов. писателе»?

2. Может ли Правление вновь обратиться в «Худ. литературу» по поводу заключения со мной договора на сборник повестей?

Аксенов Василий Павлович, 1969 (?)

— 3 —

Главному редактору журнала «Юность»
Б. Н. Полевому

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Вы много ездите по миру и встречаетесь с писателями в разных странах. Кто из писателей и в какой стране принял бы редактуру, учиненную Вами над «Железкой», как Вы думаете?

Неужели Вы хоть на секунду допускаете, что я приму эту редактуру? Ведь Вы здравомыслящий и многоопытный человек. Тогда для чего же Вы в поте лица трудились

зелеными чернилами? Чтобы «зарубить повесть»? Для этого Вам достаточно написать «нет» и поставить свою сигнатуру. Чтобы душу отвести в унижительных для меня комментариях на полях? Сомневаюсь, ведь Вы человек незлой, и за многие годы у нас сложились в среднем нормальные отношения.

Значит, Вы уж простите меня, эта редактура, похожая на погром в посудной лавке, просто бессмысленное дело.

Быть может, был бы единственный смысл — оставить сей размалеванный манускрипт в назидание потомству как музейный экспонат: «вот так, мол, в старину редактировали лирику».

За годы нашего знакомства я успел заметить, что Вы обладаете довольно тонким вкусом к живописи. Увы, этого вкуса не хватает на лирику. Вы не хотите заставить себя понимать лирику чужой души, стиль и строй этой лирики.

Итак, я выражаю недоумение, зачем все это понадобилось после тройной и окончательной уже редакции (С. Д. Разумовская, редколлегия, отдел).

Итак, я категорически отвергаю Вашу редактуру.

Итак, я чувствую себя оскорбленным: и почему, с какого зла...

С лучшими пожеланиями,

В. Аксенов, 31 марта 1974

— 4 —

В Секретариат Союза Писателей СССР
В Отдел Культуры ЦК КПСС

Уважаемые товарищи!

Союз Писателей не дал мне разрешения на поездку в США по приглашению Университета Калифорнии для чтения лекций по теме «Изобразительные средства современной советской прозы». Самым решительным образом я протестую против срыва этого культурного контакта, против унижения меня как личности и возмущаюсь тем, что мне выражено недоверие как писателю и гражданину.

Вину за срыв этой поездки и за все последующее я возлагаю на замзаведующего отделом культуры ЦК КПСС Альберта Андреевича Беляева. Мне представляется, что этот человек рассматривает Союз Писателей как свою вотчину, а писателей — как своих крепостных. Более того, мне представляется, что наша литература сегодняшнего дня развивается под влиянием вкуса А. А. Беляева, а вкус его мне представляется серым.

Для того чтобы отвести превратные толкования вышесказанного, я должен высказать здесь несколько априорных соображений. Я не против партийного руководства. Вместе со всеми своими коллегами я считаю, что идейное, направляющее влияние партии благотворно для литературы. Мне приходилось встречаться и беседовать о литературе с крупными деятелями нашей партии и находить в их лице тонких и вдумчивых собеседников, понимающих диалектическую сложность нашего времени и литературы в нем. Деятельность А. А. Беляева строится по стародавнему принципу «тащить и не пущать». В его лице я вижу человека некомпетентного.

К этому выводу я пришел на основании опыта нескольких (на протяжении ряда лет) встреч с этим человеком. Каждая из этих встреч приносила мне неприятности, досаду и унижительное ощущение своей кабальной зависимости. Вот несколько примеров. Мою последнюю книгу, которой я горжусь и которая высоко оценена многими моими товарищами, людьми, гораздо более сведущими в литературе, чем Беляев, он считает «шагом назад» и таким образом закрывает ей доступ и в журналы, и в издательства, потому что его боятся в журналах и издательствах. Особенно ревностно Беляев следит за моими попытками пересечь государственную границу. Всюду ему чудятся враги, и всегда он как бы подозревает меня в сговоре с этими врагами. Несколько лет назад я собрался написать книгу об океанографах, а для этого надо было пойти с ними в океанский рейс. Беляев сказал мне, что коралловые острова Тихого океана охвачены в этот момент идеологической войной небывалой силы и, конечно же, меня-то наши враги используют как свое оружие.

В другой раз польское издательство пригласило меня посетить Варшаву в связи с выходом моей книги. Беляев

расценил это как вылазку определенных польских кругов, недоброжелателей нашей литературы, и запретил эту поездку.

Приглашение из Швеции. Зная, что все замыкается на Беляеве, я уже не обращаюсь в Иностранную комиссию СП, а звоню прямо к нему. Даже не дослушав меня, он весело и жизнерадостно провозглашает: «Никаких перспектив!»

Все это похоже на анекдоты, а временами и попросту оборачивается анекдотом. Шведский издатель, выпустивший «Затоваренную бочкотару», приглашает меня посетить Стокгольм. Мне заявляют, что я не смогу поехать, потому что этот издатель — реакционный. Через несколько дней я вижу в «Литературной газете» снимок — мой издатель в обнимку с одним нашим высокопоставленным писателем в качестве «преданного друга советской литературы». Невеселые, отвратительные анекдоты!

Аргументы, которые выдвинул А. А. Беляев против моей поездки в Калифорнийский Университет, — смехотворны. Вот два из них, главных, абсурдно связанных друг с другом:

а) если мы вас пошлем, то они пришлют нам кого-нибудь в обмен;

б) если мы вас пошлем, то с нашей стороны это будет «акт доброй воли». А какой тогда с их стороны будет «акт доброй воли»?

Как прикажете понимать? С одной стороны, если приглашение меня американцами не считается актом доброй воли, то, стало быть, я персона какая-то опасная, нежелательная для нас. С другой стороны, если американцы в обмен навяжут нам визит какой-нибудь своей персоны, то, стало быть, я — персона опасная и нежелательная для них.

Быть может, я субъективен и это лишь со мной А. А. Беляев обращается таким образом, а с остальными писателями он лоялен, широк, умен? Если даже дело обстоит таким образом, то, мне кажется, на таком ответственном посту человек обязан сдерживать свои личные антипатии.

Так или иначе, я заявляю здесь, что не считаю более Альберта Андреевича Беляева своим руководителем, освобождаю себя от всякой перед ним вассальной зависи-

мости и полагаю, что люди с таким узким интеллектуальным кругозором не вправе руководить литературой.

Еще раз категорически протестую против срыва моей поездки в Калифорнию, которая могла бы внести свою, пусть скромную, лепту в разрядку напряженности и установить традицию приглашения советских писателей в американские университеты для занятий по профессиональным вопросам.

Аксенов Василий Павлович, писатель. 1975 (?)

— 5 —

Первому Секретарю
Союза Писателей СССР
Г. М. Маркову

Уважаемый Георгий Мокеевич!

В течение уже восьми лет я не могу выпустить ни одной книги своей прозы за исключением двух детских книжечек в «Детской Литературе» и заказной работы в «Политической литературе». Все мои заявки либо отвергаются различными издательствами, либо остаются без ответа. Вот некоторые факты.

1. 15 мая 1972 года я подал заявку в издательство «Советская Россия» на сборник прозы под названием ГОЛУБЫЕ МОРСКИЕ ПУШКИ⁴. До сих пор я не получил никакого ответа на эту заявку.

2. Еще за полгода до этого в декабре 1971 года мной была подана заявка в издательство «Советский Писатель» на сборник новых вещей объемом 25 листов. После полугода посулов и проволочек заявка была отвергнута.

3. В январе 1973 года издательство «Современник» заключило со мной договор на книгу, основой которой долж-

---

⁴ По названию рассказа, который будет опубликован только в 2008 году («Казань», № 8).

на была статья новая повесть о городке ученых в Сибири. В назначенный срок мной была представлена рукопись книги МИЛЬОН РАЗЛУК, в которую вошли заявленная повесть⁵ и цикл рассказов, печатавшихся ранее в периодике. Рукопись была отвергнута издательством, так как она, по утверждению рецензентов, находилась вне основного потока современной прозы, определяемой творчеством таких писателей, как Носов, Лихоносов, Абрамов и т. д.

4. В конце 1975 года я подал заявку на сборник прозы в издательство «Художественная Литература». До сих пор я не получил оттуда никакого ответа.

5. Примерно в это же время я предложил издательству «Молодая Гвардия» книгу американских очерков КРУГЛЫЕ СУТКИ НОН-СТОП. В марте 1976 года в разгар клеветнических слухов о моем выезде из страны я получил из этого издательства отказ со ссылкой на малохудожественность представленной рукописи. Очерки позднее были опубликованы в «Новом Мире» и получили высокую оценку общественности и критики.

6. В августе 1976 года я подал заявку в «Советский Писатель» на сборник прозы, основой которого стала бы приложенная к заявке новая повесть ПОИСКИ ЖАНРА. До сих пор мной не получено никакого ответа из издательства.

7. Тогда же в августе 1976 издательство «Советская Россия» предложило мне составить для них сборник моих рассказов. Сборник объемом 25 листов был немедленно мной составлен и сдан в издательство. Мне известно, что он получил положительную оценку рецензентов и был поддержан на заседании Редакционного Совета рядом писателей. Со дня на день я ждал заключения договора, которое задерживалось, как мне объясняли, лишь из-за болезни главного редактора В. В. Шкаева. Наконец он поправился, и тогда его заместитель И. Н. Фомина сообщила мне, что о договоре в обозримом будущем и речи быть не может. Объяснений по сути дела дано не было.

---

⁵ «Золотая наша железка» (см. вступительный текст).

Было бы полнейшей неправдой сказать, что эти бессмысленные отношения с издательствами не утомили меня. Я основательно устал и глубоко разочарован. Читатели спрашивают меня, почему я молчу? Создалась обстановка фиктивного творческого кризиса.

Между тем ВААП довольно активно продает мои неопубликованные рукописи за границу, предварительно, разумеется, проводя их через цензуру.

Так, недавно были заключены договоры с французскими издательствами на издание моих неопубликованных повестей ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА (отвергнута «Современником») и ПОИСКИ ЖАНРА. Готовятся договора с издателями в США, Японии, Дании. Таким образом, очевидно, что в цензурном отношении мои повести безупречны. Почему же я не могу издать у себя дома не только эти вещи, но даже и коллекцию рассказов, публиковавшихся в периодике? Не могу найти ответа на этот вопрос.

Уважаемый Георгий Мокеевич. Я прошу Секретариат поддержать меня в издательствах «Советская Россия» и «Советский Писатель» и, быть может с расчетом на будущее (надеюсь, однако, что не очень отдаленное), в издательстве «Художественная Литература». Мне не нужны большие тиражи, я просто не хочу далее пребывать в дурацком качестве — писатель без книг.

С лучшими пожеланиями,

Василий Павлович Аксенов.

4 апреля 1977

— 6 —

Первому Секретарю
Союза Писателей СССР
тов. Маркову Г. М.

Уважаемый Георгий Мокеевич!

В начале декабря прошлого года во время моего пребывания за границей из журналов НОВЫЙ МИР и ДАУГАВА одновременно были сняты мои повести

ПОИСКИ ЖАНРА и ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА. Я был глубоко потрясен этой акцией и решительно протестовал. Повесть в НОВОМ МИРЕ была восстановлена и вышла из печати и, как мне кажется, привлекла довольно значительный интерес читателей. Я полагал, что справедливость будет восстановлена и в ДАУГАВЕ.

Однако на днях я узнал, что престраннейшее решение по поводу ЗОЛОТОЙ НАШЕЙ ЖЕЛЕЗКИ вновь подтверждено. Кроме того, я узнал, что сборник моей прозы (первая книга после девяти лет унижительных отказов) тоже находится под угрозой.

Почти уже двадцатилетняя литературная деятельность лишила меня какой бы-то ни было наивности, и поэтому не обессудьте, Георгий Мокеевич, если я сейчас изложу Вам впрямую то, что я думаю по этому поводу.

Я убежден, что все эти «акции» осуществляются по инициативе Альберта Андреевича Беляева, который по неизвестным мне причинам испытывает ко мне и моей прозе многолетнюю глубокую неприязнь. Однажды я уже говорил Вам, что не намерен мириться с самодурством этого человека, какой бы пост он ни занимал. Сейчас я вновь подтверждаю, что не намерен с этим мириться. Обращаясь сейчас с этим письмом к Вам, я, естественно, надеюсь на помощь. Хотел бы поставить Вас в известность, что письмо примерно аналогичного содержания будет мной на днях послано Секретарю ЦК КПСС тов. Зимянину.

С лучшими пожеланиями,

Аксенов Василий Павлович.

15 февраля 1978

*Подготовка публикации
Виктора ЕСИПОВА,
комментарии Виктора ЕСИПОВА и
Анатолия ГЛАДИЛИНА.*

В ближайших номерах:

**Двойничество в романах
Достоевского и Музиля
как символ эпохи распада**

Нина Берберова и Роберт Оппенгеймер

**Дмитрий Быков — писатель эпохи
фаст-фикшн**

**Россия в английском
шпионском романе XX века**

**Пушкин и Моцарт:
к вопросу о родстве поэтик**